

И всюду клевета сопутствовала мне.
Её ползучий шаг я слышала во сне
И в мёртвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески её горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь её. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,—
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема тогда она войдёт,
В моей крови её неутолённый рот
Считать не устаёт небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятен всем её постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте моё осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

1922